

Первая мировая война и Веймарская республика. Интерпретации, трактовки и версии

Аннотация. В статье анализируются достижения германской историографии в рассмотрении роли исторической памяти о Первой мировой войне в судьбе Веймарской республики. Автор критически рассматривает ряд популярных в последние годы концепций, подводя итоги новых подходов к истории великой войны. Констатируя благотворное влияние культурологического поворота в исторических исследованиях, он обращается к сложной проблеме складывания и эволюции политических мифов, сыгравших особенно значительную роль в массовом сознании немцев в межвоенный период. Обращение к исторической памяти неизбежно ставит достаточно политизированную проблему преемственности и особенностей исторического пути Германии последних двух столетий. После цитирования наиболее существенных аргументов основных направлений в историографии этой проблематики проводится их критический анализ. Автор подробно останавливается на особенностях используемой терминологии и интерпретации тех или иных источников в зависимости от выдвинутой априорной гипотезы. По итогам статьи сделан вывод о преодолении в историографии старых стереотипов, констатируется необходимость дополнительных исследований для преодоления удобных, но упрощающих ситуацию трактовок истории Веймарской республики и действовавших в ней радикальных милитаристских организаций, для чего есть все необходимые предпосылки.

Ключевые слова: Веймарская республика, историческая память, миф, НСДАП, брутализация, преемственность, фрайкоры, ветераны, насилие, Тридцатилетняя война.

Review. This article analyses the achievements of German historiography in elucidating the role of historical memory of the First World War in the life of the Weimar republic. The author critically reviews a series of conceptions made popular in recent years, summarising the results of the new approaches to the history of this great war. Noting the positive influence of the cultural turn in historical studies, the author addresses the complex question of the formation and evolution of political myths which played a particularly significant role in the German mass conscience during the interwar period. Examining historical memory inevitably poses the rather politicised problem of continuity and of the particularities of Germany's historical path during the last two centuries. After citing the most intrinsic arguments of the main historiographical lines on this subject, the author presents a critical analysis of them. The author also addresses in detail the particularities of the used terminology and of source interpretations, selected on the basis of a priori advanced hypotheses. From the study's results the author comes to the conclusion that historiography has overcome the previous stereotypes, but notes the necessity for additional studies in bridging the comfortable yet simplifying interpretations of the history of the Weimar republic and of the radical militarist organisations operating within it, for which today all the necessary foundations have been laid.

Key words: continuity, brutalisation, National-Socialist German Workers' party, myth, historical memory, Weimar republic, Freikorps, veterans, violence, Thirty-years war.

Нет сомнения, что Веймарская республика во многих отношениях является порождением Первой мировой войны. Но дело не только в том – что было бы банально констатировать, – что без войны, а значит, и без надвигающегося поражения не дошло бы и до Ноябрьской революции 1918 г., а вместе с ней и до провозглашения республики. Нет, и после фазы собственно основания Веймарской республики последствия войны

в средне- и долгосрочной перспективах представляли собой масштабный вызов молодой республике: ведь и после того как в 1918–1923 гг. на фоне доходящих до гражданской войны конфликтов и при чрезвычайных экономических коллизиях, которые следовало полагать прямым следствием войны, в борьбе против как правых, так и левых экстремистов республиканская система была стабилизирована, оставить войну позади не удалось. Слишком сильно для этого

на протяжении долгого времени политическая культура Веймара была отравлена бременем Версальского договора и раз за разом встающей проблемой репараций, а также вопросом о причинах германского краха (и паролем была легенда об «ударе ножом в спину»). Кроме того, сказывалась и неспособность некоторых частей политического спектра признать поражение [2]. Представляется, что сам факт того, что в конце концов политическое движение в финале Веймара было оседлано национал-социализмом, который во многих отношениях как идеологически, так и программно являлся продолжением радикального национализма военной поры и предвещал столь же радикальный ревизионизм, позиционируя себя как «партия фронтовиков» и, наконец, спровоцировав войну против послевоенного версальского миропорядка, позволяет отчетливо продемонстрировать, в какой степени в итоге и само крушение Веймарской республики следует увязывать с имевшимся опытом Первой мировой войны [17].

В этой статье хотелось бы дать общий обзор оценок роли Первой мировой войны в историографии Веймарской республики и при этом особо показать современные культурно-исторические приемы исследований и концепции, которые направлены на то, чтобы представление о многообразных и значимых социальных, политических, экономических и не в последнюю очередь социально-психологических последствиях войны, с которыми приходилось бороться молодой республике, было уточнено. Так, сегодня едва ли кто-нибудь будет возражать против утверждения, что Первая мировая война и вызванные ею «перемены форм» [22] отразились на политической культуре Веймара, и более того, они стали необходимым, хотя и недостаточным, условием для взлета национал-социализма. Однако в историографическом плане обращение к Первой мировой войне для объяснения феномена Веймарской республики вовсе не было чем-то самим собой разумеющимся, а строго наоборот: оно представляет собой, скорее, недавнее явление, которое в целом неразрывно связано с возрастающим вот уже добрых 20 лет интересом к Первой мировой войне. Поэтому в первой части я хотел бы несколько ярче высветить конъюнктуру интересов германских исследований по истории Первой мировой войны. Затем во второй части речь пойдет о результатах чрезвычайно динамичных культурно-исторических исследований последствий Первой мировой вой-

ны. В завершение хотелось бы кратко обратиться к историографической концепции «второй Тридцатилетней войны» 1914–1945 гг., которая обсуждается вот уже несколько лет.

Первая мировая война в германской историографии 1945–2014 гг.

На первый взгляд может поразить то, что историография Веймарской республики достаточно поздно, т. е. только лет 10–20 назад, начала всерьез оценивать и осмысливать значение Первой мировой войны для недолгой истории первой германской республики. Это связано с общим явлением недооценки войн в германской исторической литературе: еще в 1950-х, даже в 1960-х гг. господствовало представление, что Первая мировая война была «поворотным пунктом» германской истории XX в., именно она оказала сильное воздействие, проложив путь к «германской катастрофе» 1933–1945 гг., вследствие же споров о «версии Фишера» и по мере развития социальной истории в 1970–1980-е гг. отчетливо сформировалась основная точка зрения. (Фриц Фишер был одним из первых, кто указал на важные линии преемственности между кайзеровской империей и Третьим рейхом [9]. Относительно дискуссии, вызванной Фишером, см.: [15].) И помимо прочих именно сформулированный Хансом-Ульрихом Велером тезис об обом, начавшемся еще в XIX в. германском пути подействовал тому, что в противовес историкам старшего поколения, которые представляли себе национал-социализм, скорее, как несчастный случай, нежели как логическое продолжение германской истории, стали последовательно задумываться о поиске более длительных путей исторического развития, приведших к нему [37]. (Хороший обзор по состоянию на текущий момент представлен в работе Х. Смита, см.: [32].) При постоянном игнорировании Первой мировой войны и связанной с ней динамики причины краха Веймара и успеха национал-социализма тенденциозно усматривали уже в особенностях политического и социального строя кайзеровской империи, подчеркивая линии преемственности, ведущие от Кайзеррейха, минуя Веймарскую республику, к Третьему рейху.

С начала 1990-х гг. такой взгляд на проблему стали, однако, все чаще ставить под сомнение. Вследствие культурологического поворота пришли к фактическому открытию Первой мировой войны заново, что и выразилось в стреми-

тельно растущем потоке публикаций на эту тему. Постановка культурно-исторических проблем, а также вопросов истории повседневности и менталитета тут же начала обращать фокус исследований Первой мировой войны к осознанию ее опыта современниками, к трактовке и интерпретации их многопланового военного опыта [13; 40; 12; 43]. Помимо «пережитого на войне» солдатами, а также и женщинами и детьми на «домашнем фронте» в центр интересов все более ставили также формы индивидуального, а также коллективного переживания трагедии и, наконец, и память о войне в послевоенном обществе. (См., напр.: [7]. Кроме того, об этой тенденции см.: [42].) Иначе говоря: в социальной истории доминировал трезвый, абстрактный взгляд на войну, где не особенно близко к сердцу воспринимали страдание, насилие и смерть в военной повседневности европейских обществ; теперь культурная история стала заниматься прежде всего анализом опыта экстремальных ситуаций и его проявлениями в общественной жизни. Такая смена перспективы имела следствием то, что Первая мировая война в куда большей степени, нежели раньше (по крайней мере есть такая тенденция), стала восприниматься как решающий рубеж германской истории, даже как «исходная катастрофа» XX в. Модель интерпретации через представление о «второй Тридцатилетней войне» 1914–1945 гг., которая впервые была предложена Х.-У. Велером и к которой мы позднее еще вернемся, появилась именно в это время [38, 138–143]. Представляется вполне логичным, что в связи с центральным местом Третьего рейха как точки фокусирования и как масштабной катастрофы германской истории вопрос о взаимосвязи между Первой и Второй мировыми войнами и тем самым и вопрос о значении Первой мировой войны для истории Веймарской республики стал удостоиваться в историографии более пристального внимания.

От брутализации солдат к брутализации памяти

Одним из первых, кто занялся такой постановкой вопроса, был американский историк Джордж Моссе. В своей новаторской книге «Fallen soldiers», вышедшей в 1990 г., он разрабатывал тезис о глубочайшей «брутализации» европейского, и в особенности германского, общества войной и тем самым утверждал, по крайней мере опосредованно, существование прямой

причинно-следственной связи между «фронтовым опытом» солдат, а затем и опытом насилия во фрайкорх и последующим приходом к власти национал-социалистов [23]. Согласно Моссе опыт повседневного насилия и смерти в окопах Первой мировой войны привел у комбатантов к принципиальному потрясению моральных ценностей и сомнению в прежних представлениях и нормах, к потере веры в человечество и, наконец, к банализации понятия «убить» (и «быть убитым»). Привычка к применению насилия и жизни в условиях иерархии в рамках мужского братства должна была быть фактически выкорчевана из молодежи «поколения фронтовиков» после войны, нельзя было позволять интегрировать ее в Веймарскую республику. Через фрайкоры и за счет их полных жестокости действий в ранние годы Веймарской республики, а также в Польше и в Прибалтике целому поколению ветеранов была открыта прямая дорога в национал-социалистическую партию или в Третий рейх.

Быстро возникает возражение против этого тезиса относительно долгого поступательного пути развития национал-социализма из войны в окопах. Во-первых, было бы весьма уместно подчеркнуть (а этот аргумент приводит среди прочих и французский историк Антуан Прост), что схожие процессы брутализации опыта насилия должны были идти у комбатантов во всех странах, однако, в особенности во Франции и Великобритании, было отчетливо продемонстрировано, что в межвоенный период именно ветераны встали на пацифистские или же явно критические по отношению к войнам вообще позиции [25, 5–20]. Беньямин Циманн, а также Ричард Бессел указывали на то, что, во-первых, ни о каком военном опыте как о едином целом не может быть и речи: ведь имеют место сословные или классовые различия в восприятии войны, которые и определяют реакцию на т. н. военный опыт, и что, во-вторых, вряд ли вообще стоит говорить о том, что вернувшиеся домой солдаты не могли или якобы не хотели интегрироваться в общество. Как раз напротив, демобилизация прошла на удивление гладко [5; 44, 80–95]. Коротко говоря, брутализация солдат в целом отнюдь не предопределена, и если Моссе в исследованных им воспоминаниях и романах о войне находит описываемую им тенденцию к радикализации, то это следствие того, что выборка источников была слишком незначительной, ведь он основывался исключительно на свидетельствах небольших, национально ориентиро-

ванных образованных буржуазных кругов, чем и объясняется исключение из правила. Более того, против тезиса о брутализации говорит и еще целая серия фактов: во-первых, фрайкоры, которые и стали образцом брутализованной мужественности (в общем и целом до 250 тысяч человек), состояли вовсе не только из ветеранов, а во многом рекрутировались из молодых людей, которые были в свое время еще слишком молоды для того, чтобы попасть на фронт [31, 36, 47 ff.]. С другой стороны, и сама характеристика НСДАП как «партии фронтовиков» уже проблематична. Ведь если лидеры партии во главе с «простым ефрейтором» Гитлером и состояли почти без исключения из бывших солдат-фронтовиков, то беглый взгляд на возрастной состав рядовых членов нацистской партии дает совершенно иную картину: в 1932 г. средний возраст членов партии составлял 30 лет, а наиболее распространенной возрастной группой были 22–24-летние. Еще более однозначным представляется перевес молодежи в рядах СА, которые в начале 1930-х гг. почти на 90% комплектовались из т. н. поколения военного детства (1900–1910) [27, 349 ff.]. Иными словами, если нацизм и был поколенческим проектом, а кое-что указывает именно на это, то тогда это был проект, который был направлен не на поколение «солдат-фронтовиков», а на генерацию тех, чье детство пришлось на войну.

Если тезисы Моссе и можно опровергнуть в самом непосредственном их значении, то все же было бы столь же несправедливо по отношению к нему, если бы их редуцировали лишь к исключению из прямого канала взаимосвязи между военным опытом и национал-социализмом [3, 230–237]. Ведь для Моссе, и это может быть противопоставлено некоторым его критикам, брутализация была процессом комплексным, в котором предполагаемое огрубление солдат в ходе их участия в боевых действиях было только одним и при этом не самым важным из его аспектов. С самого начала он подчеркивал (и именно в этом и заключается его оригинальность) выдающееся значение отражения военного опыта средствами массмедиа, его тиражирование и трансформацию, пронизывающие все военное и послевоенное общество и ставшие одним из центральных мифов веймарской поры. К брутализации германского общества привел бы не только и, возможно, в первую очередь не столько индивидуальный опыт участников войны, а прежде всего агрессивные трактовки «пережи-

того на фронте» и образов солдат-фронтовиков. Цитируя самого Моссе: «Миф о военном опыте имел центральное значение в процессе брутализации потому, что он трансформировал память о войне и сделал ее приемлемой, снабдив национализм одним из его самых эффективных послевоенных мифов и символов» [23, 181].

Едва ли можно переоценить значение Моссе как того, кто дал импульс новой культурной истории последствий Первой мировой войны. У его подхода, поставившего в центр историографии многочисленные мифы веймарской эпохи, обладавшие мощным политическим эффектом, появились последователи, и теперь с полным основанием можно назвать исследования о памяти о Первой мировой войне в годы Веймарской республики одним из наиболее продуктивно развивающихся направлений в новейшей историографии Веймара. И сколь бы ни были различны в теоретическом и методологическом отношении работы последних лет по этому вопросу, все они разделяют установку, что при изучении мифов нельзя изначально исходить из идейно-критической оценки их правдоподобности относительно тех событий, на которые они опираются, а следует более концентрироваться на них как на социальной реальности. Так, мифы понимаются как модель социальной интерпретации, в рамках которой происходит «аффективное усвоение» истории [1, 40 ff.] и за счет которой тем самым и развивается культура общества, т. е. та часть коллективного сознания, где социальные действия снабжаются смыслом и легитимируются.

Здесь можно привести лишь несколько примеров плодотворности подобного подхода. В своем исследовании о «пережитом в августе» летом 1914 г. Джеффри Верхай и Штеффен Брюндель показали, что «августовский опыт» оставался важным в политическом отношении источником смыслов на протяжении всего веймарского периода как символ объединения или же общности народа, сыграв важную роль в трансформации политической культуры позднего Кайзеррейха и Веймарской республики [34; 6; 10]. Кроме того, появились и работы насчет мифов о «простом ефрейторе» Гитлере, о Гинденбурге, о сражениях под Верденом и при Лангемарке, о героических мифах в веймарской культуре вообще и о героях войны в частности, о мифах фрайкоров, об «ударе ножом в спину» и о мифе насчет товарищества [36; 14; 18; 24, 192–309; 4; 30; 33; 2; 20]. Помимо этого, в целой

серии исследований была обстоятельно изучена обширная литература о войне веймарской поры [35], связанная с именами Эриха Марии Ремарка и Эрнста Юнгера, бывшая важнейшим медийным средством памяти о войне, а также производившая мифы и отражавшая ожесточенные культурно-политические противоречия (можно напомнить хотя бы о скандале с Ремарком, т. е. о яростных спорах относительно ремарковского романа «На Западном фронте без перемен» и о его экранизации в 1930 г.). Общим для всех этих исследований является то, что они занимаются вопросом о том, в какой степени на протяжении всей Веймарской республики память о войне была важным ресурсом власти и смыслов, на котором можно было бы легитимировать, укрепить или же, напротив, делегитимировать политические позиции и требования [26, 147–180]. Без всякого сомнения, Первая мировая война в веймарские годы оставалась всепроникающей.

Тот факт, что война в веймарской культуре была вездесущей, это, однако, только один момент, и совершенно иное дело определить конкретно, в какой степени память о войне в веймарские годы содействовала взлету национал-социализма, а также дестабилизации Веймара. Ведь отнюдь не было некоторой единой культуры памяти, которая бы однозначно оказывалась орудием в руках ультраправых сил. Беньямин Циманн весьма справедливо указал на тот факт, что как раз именно память о войне в поляризованной культуре Веймара всякий раз оказывалась оспариваемой или фрагментированной [46]. Так, например, социал-демократически-республиканский «Рейхсбаннер», крупнейшая ветеранская организация веймарской поры, имея критическую по отношению к войне направленность, т. е. подчеркивая ужасы войны, а также классовый характер кайзеровской армии, дисциплина в которой основывалась на угнетении рабочих и на принуждении, фундаментально отличался от правых объединений фронтовиков, будучи настоящей «карантинной зоной» [45, 357–398, 395] вокруг рабочих кругов, сильно ограничивавшей социальную и имущественную дифференциацию и способность к проникновению туда правых мифов о фронтовиках и связанных с ними ценностей. И такая интерпретация имеет свои плюсы, ведь в конце концов нет никаких сомнений в том, что история памяти о войне в Веймарской республике в действительности была историей «позиционной войны памятников искусства» [29], как прекрасно сформули-

ровал Христиан Зерендт. На фоне поражения в войне и дискуссии о ее причинах ни на один миг не удалось прийти к некоему интегрирующему культуру памяти. В этом отношении многое подтверждает тот факт, что в Германии в отличие от, например, Франции или Великобритании не было ни одного общего памятного места (вроде могилы Неизвестного солдата) или же общенационального праздничного или памятного дня. (Относительно различий в культуре памяти во Франции и в Германии см.: [16].)

И все же представляется сомнительным исходить из наличия своего рода несвязанных, существующих параллельно друг другу культур памяти. Томас Кюне показал, что миф о товариществе, т. е. представление об особой солидарности и связи между солдатами Первой мировой войны, как важный компонент памяти о мировой войне в целом оказывался выше границ общественных слоев. Мышление находилось в рамках коллективных представлений о лояльности, было подчинение индивидуума группе, однако также имели место и ценности растворения в коллективе, которые уже к началу 1930-х гг. повсеместно воспринимались как «грамматика морали», а после 1933 г. относительно легко их сумела положить в основу государства нацистская идеология единения народа [20, 276]. В работах автора этой статьи относительно веймарской молодежи также показывается, что при всех политико-мировоззренческих различиях между, например, социал-демократическим «Юнгбаннером», католическим или же национально-буржуазным молодежным движением самое позднее с конца 1920-х гг. было достигнуто нечто вроде минимального консенсуса в вопросах культурной памяти, который отличался в целом весьма позитивным, имевшим коннотации мужественности образом солдата с большим количеством солдатских качеств и доблестей (воля, храбрость, готовность к самопожертвованию, чувство долга) и восходил к многочисленным моделям «мифа о фронтовике» из национального лагеря [39, 65–124]. В данном случае мы во многих отношениях имеем дело с субстратом одного из феноменов массового исторического сознания, в последнее время описывающегося как «беллифицирование» культурной памяти веймарского общества, и, несколько упрощая, этот субстрат может пониматься как возникновение всеохватывающего «синдрома обороны», который позволил в конце 1920-х гг. сделать понятия «война» и «процесс вооружения» лейтмо-

тивом и образцом для всего веймарского общества [28]. Тот факт, что подобный минимальный консенсус был узурпирован в качестве «единственного в своем роде ресурса власти» [26, 148] именно НСДАП, выступавшей как партия парамилитаристская, слой лидеров которой состоял из ветеранов Первой мировой, а ее «вождь» выдвигался на авансцену как воплощение простого, безымянного солдата, что облегчило возвышение этой партии до единственной «народной партии», представляется весьма характерным, даже если до окончательного закрепления этого тезиса безусловно необходимы дальнейшие эмпирические исследования. Конечно, возможно, еще более важным покажется то, что восприятие обществом вышеназванных инструментальных ценностей, образов мужчины и солдата стало той предпосылкой в культурной памяти, которая позволила провести по меньшей мере частично успешную интеграцию большей части населения в «солдатское государство» Гитлера после 1933 г. В любом случае иначе никак не поддавалась бы объяснению проводимая нацистами с 1933 г. с большим напором и имевшая порой удивительно высокую популярность политика в области символики и памяти, в «честь солдат-фронтовиков мировой войны» [39, 152–185; 21; 41].

Итоговые выводы.

«Вторая Тридцатилетняя война» 1914–1945?

Подчеркнутое внимание к многочисленным каналам в культурной памяти, ведущим из Веймарской республики в Третий рейх, представляет собой своего рода, пусть и весьма условный, общий знаменатель всех новейших культурно-исторических исследований германского восприятия войны в межвоенный период. Неспособность первой германской республики оставить войну позади и описать тот способ, которым глубоко в культуру веймарской эпохи будут вписаны разнообразные военные переживания, или же инструментализировать их в ходе политического противостояния теперь понимается как важное звено в цепи причин ее краха в 1933 г. На первый взгляд это позволяет обратиться к тезису о «второй Тридцатилетней войне» 1914–1945 гг. И действительно, отнюдь не случайно, что эта концепция, имеющая в других странах, особенно во Франции, долгую историю (можно вспомнить хотя бы о Шарле де Голле, который уже летом 1941 г. в своей лондонской речи говорил о «тридцатилетней войне за или

против германского стремления к мировому господству» [11, 103]), в Германии стала широко обсуждаться лишь в контексте «повторного открытия» Первой мировой войны в культурно-историческом плане после окончания холодной войны. Импульс этому придали статья Ханса-Ульриха Велера в специальном выпуске «Шпигеля» в 2004 г. [38].

Исходным пунктом размышлений Велера была констатация, что опыт и динамика Первой мировой во многих отношениях отразились и на Второй мировой войне, так что, несмотря на необычайную радикализацию и специфический идеологический заряд ведшейся в 1939–1945 гг. войны, можно было говорить о «внутреннем единстве» [38, 143] периода 1914–1945 гг. Так, глобализация, механизация и тотализация с присущими им тенденциями к стиранию разницы между комбатантами и некомбатантами, при всех различиях между обеими мировыми войнами проходят красной нитью через историю первой половины XX в. Если также учесть и частичную преемственность германских военных целей (в особенности на Востоке) в 1914–1918 и 1941–1945 гг. соответственно, а также тот факт, что Первая мировая война, и в особенности поражение 1918 г., стала политико-идеологическим полем для возвращения национал-социализма, а также и то, что нацистская идеология во многих отношениях была не чем иным, как попыткой извлечь урок из германского краха в ноябре 1918 г., то итог станет еще более однозначным.

Тезис о «второй Тридцатилетней войне», без сомнения, имел и известную эвристическую ценность: за счет подчеркивания многочисленных линий преемственности и сходства в развитии мировых войн Вторая мировая война была поставлена в рамки более масштабной цепи взаимосвязанных событий, что, безусловно, позволило лучше рассматривать в исторической перспективе постулаты, предпосылки и цели политики нацистов и ведения ими войны. Можно дискутировать о том, насколько принципиально оправданным при всем внимании к 1914 г. будет в вопросе периодизации не придавать началу войны характера цезуры: ведь для продолжительного в историческом плане хода развития событий оно и неважно, а часть критиков концепции «эпохи мировых войн» как раз на этом и сконцентрировалась. (О критике концепции «второй Тридцатилетней войны» см. размышления Йорга Эхтернкампа: [8, 265–280].) Для историко-

графии Веймара Тридцатилетняя война является проблематичной и по другим причинам, ведь она в любом случае редуцирует тенденции веймарских лет к некоему интермеццо без каких бы то ни было возможностей для самостоятельного развития. Вероятно, проблема заключается, скорее, в удобной формулировке, которая имеет некую определенную самостоятельность по отношению к тому, что она, собственно, должна была выражать: ведь в широких общественных кругах, интересующихся историей, она, как правило, связана с представлением о более или менее линейном процессе, ведшем из окопов Первой мировой войны или по меньшей мере от Версальского договора к захвату власти Гитлером и к развязыванию Второй мировой войны.

Культурно-исторические исследования последних лет, которые и стали предметом данной статьи, с их стремлением более тесно увязывать веймарскую эпоху с Первой мировой войной, безусловно, имеют базовые предпосылки, в т. ч. связанные и с тезисом о «второй Тридцатилетней войне». Но констатировать повсеместное

обращение в политической культуре Веймара к Первой мировой войне и погибшим в ней – это одно. И совершенно другое – выводить из этого факта причинно-следственную линейность (а то и имплицитную автоматичность) перехода от Первой ко Второй мировой войне. Актуальная дискуссия о позднейших следствиях Первой мировой войны для Веймарской республики отличается столь громадным чутьем на комплексность, противоречивость, но также и на потенциал и возможности развития Веймарской республики, что принципиально упрощающий тезис о Тридцатилетней войне в настоящий момент располагает не особенно большим числом сторонников. Как раз напротив: в текущей оживленной дискуссии относительно Первой мировой войны (в связи со 100-летием ее начала) как в научных кругах, так и в общественных модель интерпретации, основанная на «второй Тридцатилетней войне», не играет почти что никакой роли. И с точки зрения историка, интересующегося нетелеологической историей Веймара, это – вполне хорошая новость.

Библиография:

1. Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München: Beck, 2006. 320 S.
2. Barth B. Dolchstoßlegenden und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914–1933. Düsseldorf: Droste, 2003. 625 S.
3. Beaupré N. Das Trauma des Großen Krieges 1918–1932/33. Deutsch-französische Geschichte. Bd. 8. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. 280 S.
4. Behrenbeck S. Der Kult der toten Helden. Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923–1945. Vierow: SH, 1996. 688 S.
5. Bessel R. Germany after the First World War. Oxford: Clarendon Press, 1993. 325 p.
6. Bruendel S. Volksgemeinschaft oder Volksstaat. Die «Ideen von 1914» und die Neuordnung Deutschlands im Ersten Weltkrieg. Berlin: Akademie-Verl., 2003. 403 S.
7. Dülffer J., Krumeich G. (Hg.). Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918. Essen: Klartext, 2002. 344 S.
8. Echternkamp J. 1914–1945 Ein zweiter Dreißigjähriger Krieg? Vom Nutzen und Nachteil eines Deutungsmodells der Zeitgeschichte // S.O. Müller, C. Torp (Hg.). Das Deutsche Kaiserreich in der Kontroverse. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2009. S. 265–280.
9. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf: Droste, 1961. 896 S.
10. Fritzsche P. Wie aus Deutschen Nazis wurden. München: Ullstein, 2002. 272 S.
11. Gaulle C. de. Discours et messages. Bd. 1: 1940–1946. Paris: Plon, 1971. 350 p.
12. Hirschfeld G., Krumeich G., Langewiesche D., Ullmann H.-P. (Hg.). Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkriegs. Essen: Klartext, 1997. 456 S.
13. Hirschfeld G., Krumeich G., Renz I. (Hg.). «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...» Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs. Essen: Klartext, 1993. 285 S.
14. Hoegen J. von. Der Held von Tannenberg. Genese und Funktion des Hindenburg-Mythos. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007. 475 S.
15. Jarausch K.H. Der nationale Tabubruch. Wissenschaft, Öffentlichkeit und Politik in der Fischer-Kontroverse // M. Sabrow, R. Jessen, K.G. Kracht (Hg.). Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945. München, 2003. S. 20–40.
16. Julien E. Paris, Berlin. La mémoire de la guerre 1914–1933. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. 409 p.
17. Krumeich G. (Hg.). Nationalsozialismus und Erster Weltkrieg. Essen: Klartext-Verl., 2010. 416 S.
18. Krumeich G. Langemarck // Francois E., Schulze H. (Hg.). Deutsche Erinnerungsorte. München: Beck, 2001. S. 192–309.
19. Krumeich G., Brandt S. (Hg.). Schlachtenmythen. Ereignis – Erzählung – Erinnerung. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2003. 244 S.
20. Kühne T. Kameradschaft. Die Soldaten des nationalsozialistischen Krieges und das 20. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2006. 327 S.
21. Löffelbein N. Ehrenbürger der Nation. Die Kriegsbeschädigten des Ersten Weltkriegs in Politik und Propaganda des Nationalsozialismus. Essen: Klartext, 2013. 494 S.
22. Mommsen H. (Hg.). Der Erste Weltkrieg und die europäische Nachkriegsordnung. Sozialer Wandel und Formveränderung der Politik. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2000. 246 S.

23. Mosse G.L. *Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1990. 264 S.
24. Münch M. *Verdun. Mythos und Alltag einer Schlacht*. München: M-Press, 2006. 565 S.
25. Prost A. Les limites de la brutalisation. Tuer sur le front occidental 1914–1918 // *Vingtième siècle. Revue d'histoire*. 81 (2004). P. 5–20.
26. Pyta W. Die Privilegierung des Frontkämpfers gegenüber dem Feldmarschall. Zur Politikmächtigkeit literarischer Imagination des Ersten Weltkriegs in Deutschland // Daniel U., Marszolek I., Pyta W., Welskopp T. (Hg.). *Politische Kultur und Medienwirklichkeiten in den 1920er Jahren*. München: Oldenbourg, 2010. 339 S.
27. Reichardt S. *Faschistische Kampfbünde. Gewalt und Gemeinschaft im italienischen Squadrismus und in der deutschen SA*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2002. 814 S.
28. Reichherzer F. «Alles ist Front!» Wehrwissenschaften in Deutschland und die Bellifizierung der Gesellschaft vom Ersten Weltkrieg bis in den Kalten Krieg. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2012. 515 S.
29. Saehrendt C. *Der Stellungskrieg der Denkmäler. Kriegerdenkmäler im Berlin der Zwischenkriegszeit (1919–1939)*. Bonn: Dietz, 2004. 205 S.
30. Schilling R. *Kriegshelden. Deutungsmuster heroischer Männlichkeit in Deutschland 1813–1945*. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2002. 436 S.
31. Schulze H. *Freikorps und Republik 1918–1920*. Boppard: Boldt, 1969. 363 S.
32. Smith H.W. *Jenseits der Sonderweg-Debatte // S.O. Müller, C. Torp (Hg.). Das Deutsche Kaiserreich in der Kontroverse*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2009. S. 31–50.
33. Sprenger M. *Landsknechte auf dem Weg ins Dritte Reich? Zu Genese und Wandel des Freikorpsmythos*. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2008. 242 S.
34. Verhey J. *The Spirit of 1914. Myth and Mobilization in Germany*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. 268 p.
35. Vollmer J. *Imaginäre Schlachtfelder. Kriegsliteratur in der Weimarer Republik. Eine literatursoziologische Untersuchung*. Berlin: Online-Verl., 2003. 448 S.
36. Weber T. *Hitlers erster Krieg. Der Gefreite Hitler im Weltkrieg. Mythos und Wahrheit*. Berlin: Propyläen, 2011. 585 S.
37. Wehler H.-U. *Das deutsche Kaiserreich 1871–1918*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1973. 272 S.
38. Wehler H.-U. *Der zweite Dreißigjährige Krieg. Der Erste Weltkrieg als Auftakt und Vorbild für den Zweiten Weltkrieg // Die Ur-Katastrophe des 20. Jahrhunderts. Spiegel. Special 1/2004*. S. 138–143.
39. Weinrich A. *Der Weltkrieg als Erzieher. Jugend zwischen Weimarer Republik und Nationalsozialismus*. Essen: Klartext, 2013. 351 S.
40. Wette W. (Hg.). *Der Krieg des kleinen Mannes*. München; Zürich: Piper, 1992. 461 S.
41. Winkle R. *Der Dank des Vaterlandes. Eine Symbolgeschichte des Eisernen Kreuzes 1914 bis 1936*. Essen: Klartext, 2007. 400 S.
42. Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning. The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. 310 p.
43. Ziemann B. *Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923*. Essen: Klartext, 1997. 510 S.
44. Ziemann B. *Germany after the First World War – A Violent Society? Results and Implications of Recent Research on Weimar Germany // Journal of Modern European History*. 1 (2003). № 1. P. 80–95.
45. Ziemann B. *Republikanische Kriegserinnerung in einer polarisierten Öffentlichkeit. Das Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold als Veteranenverband der sozialistischen Arbeiterschaft // Historische Zeitschrift*. 267 (1998). Hf. 2. S. 357–398.
46. Ziemann B. *Contested Commemorations. Republican War Veterans and Weimar Political Culture*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. 315 p.

References (transliterated):

1. Assmann A. *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: Beck, 2006. 320 S.
2. Barth V. *Dolchstoßlegenden und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914–1933*. Düsseldorf: Droste, 2003. 625 S.
3. Beaupré N. *Das Trauma des Großen Krieges 1918–1932/33. Deutsch-französische Geschichte. Bd. 8*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. 280 S.
4. Behrenbeck S. *Der Kult der toten Helden. Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923–1945*. Vierow: SH, 1996. 688 S.
5. Bessel R. *Germany after the First World War*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 325 p.
6. Bruendel S. *Volksgemeinschaft oder Volksstaat. Die «Ideen von 1914» und die Neuordnung Deutschlands im Ersten Weltkrieg*. Berlin: Akademie-Verl., 2003. 403 S.
7. Dülffer J., Krumeich G. (Hg.). *Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918*. Essen: Klartext, 2002. 344 S.
8. Echternkamp J. *1914–1945 Ein zweiter Dreißigjähriger Krieg? Vom Nutzen und Nachteil eines Deutungsmodells der Zeitgeschichte // S.O. Müller, C. Torp (Hg.). Das Deutsche Kaiserreich in der Kontroverse*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2009. S. 265–280.
9. Fischer F. *Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18*. Düsseldorf: Droste, 1961. 896 S.
10. Fritzsche P. *Wie aus Deutschen Nazis wurden*. München: Ullstein, 2002. 272 S.
11. Gaulle C. de. *Discours et messages. Bd. 1: 1940–1946*. Paris: Plon, 1971. 350 p.
12. Hirschfeld G., Krumeich G., Langewiesche D., Ullmann H.-P. (Hg.). *Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkriegs*. Essen: Klartext, 1997. 456 S.
13. Hirschfeld G., Krumeich G., Renz I. (Hg.). *«Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...» Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs*. Essen: Klartext, 1993. 285 S.

14. Hoegen J. von. Der Held von Tannenberg. Genese und Funktion des Hindenburg-Mythos. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007. 475 S.
15. Jarausch K.H. Der nationale Tabubruch. Wissenschaft, Öffentlichkeit und Politik in der Fischer-Kontroverse // M. Sabrow, R. Jessen, K.G. Kracht (Hg.). Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945. München, 2003. S. 20–40.
16. Julien E. Paris, Berlin. La mémoire de la guerre 1914–1933. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. 409 p.
17. Krumeich G. (Hg.). Nationalsozialismus und Erster Weltkrieg. Essen: Klartext-Verl., 2010. 416 S.
18. Krumeich G. Langemarck // Francois E., Schulze H. (Hg.). Deutsche Erinnerungsorte. München: Beck, 2001. S. 192–309.
19. Krumeich G., Brandt S. (Hg.). Schlachtenmythen. Ereignis – Erzählung – Erinnerung. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2003. 244 S.
20. Kühne T. Kameradschaft. Die Soldaten des nationalsozialistischen Krieges und das 20. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2006. 327 S.
21. Löffelbein N. Ehrenbürger der Nation. Die Kriegsbeschädigten des Ersten Weltkriegs in Politik und Propaganda des Nationalsozialismus. Essen: Klartext, 2013. 494 S.
22. Mommsen H. (Hg.). Der Erste Weltkrieg und die europäische Nachkriegsordnung. Sozialer Wandel und Formveränderung der Politik. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2000. 246 S.
23. Mosse G.L. Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1990. 264 S.
24. Münch M. Verdun. Mythos und Alltag einer Schlacht. München: M-Press, 2006. 565 S.
25. Prost A. Les limites de la brutalisation. Tuer sur le front occidental 1914–1918 // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 81 (2004). P. 5–20.
26. Pyta W. Die Privilegierung des Frontkämpfers gegenüber dem Feldmarschall. Zur Politikmächtigkeit literarischer Imagination des Ersten Weltkriegs in Deutschland // Daniel U., Marszolek I., Pyta W., Welskopp T. (Hg.). Politische Kultur und Medienwirklichkeiten in den 1920er Jahren. München: Oldenbourg, 2010. 339 S.
27. Reichardt S. Faschistische Kampfbünde. Gewalt und Gemeinschaft im italienischen Squadrismus und in der deutschen SA. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2002. 814 S.
28. Reichherzer F. «Alles ist Front!» Wehrwissenschaften in Deutschland und die Bellifizierung der Gesellschaft vom Ersten Weltkrieg bis in den Kalten Krieg. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2012. 515 S.
29. Saehrendt S. Der Stellungskrieg der Denkmäler. Kriegerdenkmäler im Berlin der Zwischenkriegszeit (1919–1939). Bonn: Dietz, 2004. 205 S.
30. Schilling R. Kriegshelden. Deutungsmuster heroischer Männlichkeit in Deutschland 1813–1945. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2002. 436 S.
31. Schulze H. Freikorps und Republik 1918–1920. Boppard: Boldt, 1969. 363 S.
32. Smith H.W. Jenseits der Sonderweg-Debatte // S.O. Müller, C. Torp (Hg.). Das Deutsche Kaiserreich in der Kontroverse. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2009. S. 31–50.
33. Sprenger M. Landsknechte auf dem Weg ins Dritte Reich? Zu Genese und Wandel des Freikorpsmythos. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2008. 242 S.
34. Verhey J. The Spirit of 1914. Myth and Mobilization in Germany. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. 268 p.
35. Vollmer J. Imaginäre Schlachtfelder. Kriegsliteratur in der Weimarer Republik. Eine literatursoziologische Untersuchung. Berlin: Online-Verl., 2003. 448 S.
36. Weber T. Hitlers erster Krieg. Der Gefreite Hitler im Weltkrieg. Mythos und Wahrheit. Berlin: Propyläen, 2011. 585 S.
37. Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1973. 272 S.
38. Wehler H.-U. Der zweite Dreißigjährige Krieg. Der Erste Weltkrieg als Auftakt und Vorbild für den Zweiten Weltkrieg // Die Urkatastrophe des 20. Jahrhunderts. Spiegel. Special 1/2004. S. 138–143.
39. Weinrich A. Der Weltkrieg als Erzieher. Jugend zwischen Weimarer Republik und Nationalsozialismus. Essen: Klartext, 2013. 351 S.
40. Wette W. (Hg.). Der Krieg des kleinen Mannes. München; Zürich: Piper, 1992. 461 S.
41. Winkle R. Der Dank des Vaterlandes. Eine Symbolgeschichte des Eisernen Kreuzes 1914 bis 1936. Essen: Klartext, 2007. 400 S.
42. Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning. The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. 310 p.
43. Ziemann B. Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923. Essen: Klartext, 1997. 510 S.
44. Ziemann B. Germany after the First World War – A Violent Society? Results and Implications of Recent Research on Weimar Germany // Journal of Modern European History. 1 (2003). № 1. P. 80–95.
45. Ziemann B. Republikanische Kriegserinnerung in einer polarisierten Öffentlichkeit. Das Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold als Veteranenverband der sozialistischen Arbeiterschaft // Historische Zeitschrift. 267 (1998). Hf. 2. S. 357–398.
46. Ziemann V. Contested Commemorations. Republican War Veterans and Weimar Political Culture. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. 315 p.